

... Карфаген должен быть разрушен ...

Правда, напал он на него не в 219 году до нашей эры, а в 218, так как его силы увеличивались всё более и более благодаря моей поддержке, и он закономерно желал извлечь из этого как можно больше пользы для себя.

Впрочем, как уже было ранее сказано, его мнение по поводу даты начала войны изменилось вместе с тем, как римский флот оказался на грани практически полного уничтожения после битвы при Фаросе, что в Иллирии.

Иллирийцы под руководством Деметрия Фаросского (он как раз происходил из этой сиракузской колонии) полностью разгромили римский флот в крупном морском сражении, доказав верность избранного мной пути развития.

В любом случае, для Ганнибала Барки это стало буквально спусковым крючком, ведь теперь, когда большая часть римского флота была уничтожена, а он располагал флотом в 400 кораблей, из которых 200 были снаряжены мной, пороховая бочка в Иберии должна была взорваться моментально.

Собственно, она и взорвалась - в 218 году до нашей эры Ганнибал напал на Сагунт, осада которого, впрочем, затянулась на 7 месяцев, несмотря на мощный флот, армию и осадный парк.

Рим, тем временем, бездействовал в отношении Сагунта и Ганнибала. Вернее, вынужден был бездействовать - как-либо помочь своему союзнику в лице греческого полиса на средиземноморском побережье Иберии он не мог в силу преимущества Карфагена на море.

Что он делал, так это восстанавливал флот. Где? Ну, естественно, на моих верфях - я точно также выдал, но уже Риму, значительный заём на строительство военного флота, но уже в 300 кораблей. Конечно же, я также взял на себя обязательства по содержанию флота.

Ну и, собственно, в течение всего 7 месяцев я успешно подготовил для Рима флот в 300 кораблей - из них 220 было пентер, 60 тетрер и 40 триер. Конечно же, сделал я это не из злости.

При текущем ходе войны разгром Рима случился бы гораздо быстрее, чем мной планировалось изначально, а кроме того - слишком просто бы Рим дался Карфагену.

Это, разумеется, было не в моих планах - в моих планах было заставить Карфаген и Рим драться до тех пор, пока обе стороны не останутся на самом исходе своих ресурсов - людских, материальных, финансовых и всех прочих.

Следовательно, мне нужно было помочь как-то Риму. Ну, я и помог. Причём не только займами

на новый флот и денежным довольствием на его содержание.

Разумеется, я также помог снижением пиратской активности в Иллирии и передачей ряда очень ценной военной информации, а также очередной «горсткой наёмников», на этот раз уже исключительно наёмной лёгкой кавалерии в 3 000 всадников из числа арабов, парфян, скифов и прочих кочевников.

Кроме того, я обеспечил Рим целым витком дешёвых займов на закупку хлеба, оружия, доспехов, коней, а также прочих товаров. Разумеется, римляне от таких предложений не отказывались, что играло мне на руку.

Я снабжал их своими товарами в кредит, подвергая их отечественное производство разорению, в то время как мои производства развивались в условиях высокого спроса на их продукцию, а они мне были, конечно же, за это даже благодарны.

Ну и, да, естественно, все ранее существовавшие ограничения и препятствия были сняты, как будто бы их никогда не было – буквально по щелчку пальца.

Разумеется, все эти меры позволили мне серьёзно усилить ослабевший Рим, подготовив его к предстоящему противостоянию с Карфагеном. Ну, а оно уже было в самом разгаре.

Ганнибал, оставивший в Африке и Иберии ограниченные контингенты для их защиты, устремился теперь в Италию. Италию, где он желал покончить с могуществом Рима самым жёстким и самым верным способом.

Впрочем, прежде ему предстояло сразиться с римлянами за вход в эту самую Италию. Ему необходимо было разбить флот врага, либо миновать великие альпийские горы, которые отважился бы пройти только настоящий безумец.

Конечно же, Ганнибал безумствовать понапрасну не желал – он избрал морское сражение, как ключ к Италии. Сконцентрировав в своих руках 300 из 400 имеющихся кораблей и оставив остальные суда на защиту прибрежных акваторий Африки и Иберии, он направился навстречу вражескому флоту в 300 кораблей.

Встретились они, как ни странно, около Лигурии. Так как римский флот в лице римского консула 218 года, Публия Корнелия Сципиона, и его брата, а также, по совместительству, легата, неверно оценил численность врага, он стал отступать, не желая давать бой.

Впрочем, сам Ганнибал Барка при этом упускать римлян не желал, а потому, чтобы не дать им уклониться от сражения, двинулся в атаку на своей гексере, увлекая в бой всю первую линию.

Удивлённый, римский консул, тем не менее, вполне хорошо подготовился к столкновению. Хотя, если быть точнее, то к перестрелке – корабли стали метать друг в друга из метательных

орудий, массово установленных на них.

Перестрелка продолжалась довольно долгое время, пока в ходе противостояния не выяснилось, наконец, что экипажные команды римлян подготовлены к подобному бою хуже, чем специально обученные команды из греков, набранных в Панэллинском союзе для укомплектования кораблей.

Тогда, разумеется, римский консул поспешил сблизиться с врагом, чтобы дать ему абордажный бой, однако это было ошибкой – сконцентрировав атаку метательных орудий на определённых участках вражеской линии, карфагеняне проредили её.

Корабли, на которых команды были истреблены метательными орудиями, теперь отстояли на значительном расстоянии от своей линии, в которой, таким образом, образовалось несколько незащищённых мест.

Конечно же, карфагеняне тут же воспользовались этой возможностью, и, намереваясь использовать довольно сложный в тактическом плане приём, устремились в узкие бреши.

Успешно пройдя в них, они переломали вражеские вёсла у многих кораблей первой линии, а после устремились на всё ещё ничего не понимающую вторую линию.

Неправильно интерпретировав прорыв первой линии, консул решил отступить и, таким образом, увёл с собой вторую линию, в то время как первую оставил на, фактически, «съедение» карфагенянам.

Притом, что, вообще-то, завязался тяжёлый абордажный бой между карфагенянами и римлянами и, на самом-то деле, исход сражения ещё не был решён.

Возможно, если бы он вовремя ввёл свою вторую линию в бой, ему бы и удалось разгромить врага в лице карфагенян, ведь их корабли оказались связаны жестоким абордажным боем.

Обе стороны явили свету многочисленные примеры мужества, храбрости и героизма, но, увы, уступая врагу в численности, первая линия римского флота, оставленная на произвол судьбы, постепенно исчезла в морских глубинах.

Правда, несколько кораблей всё же сумели ускользнуть от вражеского гнева, лишь затем, чтобы сразу же отправиться с паническими вестями в Остию, главную стоянку военного флота у римлян.

Ну и, как вы понимаете, стоило им прибыть, как тут же возникли вопросы, в частности, почему Публий Корнелий Сципион не ввёл в бой вторую линию, оставив своего брата на верную гибель.

Естественно, начались ожесточённые политические дебаты по поводу допущенных консулом ошибок, наказания для него, строительства нового флота и многих других вещей.

Как вы понимаете, это отчасти было предусмотрено Ганнибалом, ведь те самые корабли, сумевшие поведать историю сражения глазами первой линии, которая тенью легла на репутацию консула, ускользнули от его взора вовсе не по счастливой случайности.

Тем временем, пока в Риме происходили ожесточённые дебаты, Ганнибал не медлил. Разумеется, он высадился в Лигурии и затем, воспользовавшись поддержкой ряда галльских и лигурских племён, вставших в оппозицию к Риму, напал на римские колонии и союзные ему племена в Цизальпинской Галлии, подвергнув опустошению их земли.

Впрочем, римляне были ещё не столь безумны, а потому, осознавая всю опасность сложившегося положения, вручили руководство армией Публию Корнелию Сципиону, единственному из консулов, что был доступен в качестве командующего на тот момент, и отправили того оказать карфагенянам сопротивление.

Отправили, разумеется, с крупной армией в 70 000 пехотинцев и 6 000 всадников. К слову, среди армии консула были те самые 3 000 всадников и 30 000 других наёмников, преимущественно греческого происхождения.

Их я, разумеется, специально сбаврил римлянам, как особо буйных, ведь они, лишённые возможности зарабатывать на войне и ни к чему другому не пригодные, наводили беспорядки и активно занимались разбоем в моей стране, доставляя мне проблемы.

Не без проблем, конечно, ведь римляне, не слишком привыкшие к войне при помощи наёмников, не слишком желали прибегать к подобным методам усиления армии.

Однако, услышав, что их можно будет использовать в качестве пушечного мяса за бесценок, ведь их содержание тоже будет оформлено в кредит, они тут же согласились.

Так что да, мне снова удалось убить двух зайцев сразу - и от проблемных людей избавился, и «союзнику» помог. Тем более, что речь шла об опытных наёмниках, повидавших виды во Фракии, Иллирии, Македонии, Греции, Малой Азии и других областях империи в ходе недавних войн.

В любом случае, навстречу ему выдвинулся Ганнибал Барка, имевший при себе 50 000 пехотинцев и 12 000 всадников против вражеских 70 000 пехотинцев и 6 000 всадников.

Встретились они, к слову, возле реки под названием Требия, куда римского консула выманил хитрый карфагенский полководец. Зачем? Ну, по вполне понятной причине - он желал избрать удобное для себя место сражения, а потому, воспользовавшись рядом уловок, выманил римлян на это место в рамках развязанной им психологической войны...

<http://tl.rulate.ru/book/77109/2365529>